
М. Ж. ТЮБИАНА

**РАБОТА ЭКСПЕДИЦИИ МУЗЕЯ ЧЕЛОВЕКА (ПАРИЖ)
В РАЙОНЕ ОЗЕРА ЧАД**

Экспедиция в область озера Чад (Тибести, Борку, Эннеди, Северный Уаддаи) была организована Музеем Человека (Париж) в октябре 1956 г. Руководство экспедицией было поручено Жозефу Тюбиана, профессору Школы восточных языков. Он составил программу исследований на несколько лет, предполагая провести глубокое изучение различных проблем, возникающих при исследовании области, лежащей к востоку от оз. Чад.

В состав экспедиции, отправившейся на место работы в 1956 г., входили специалисты по различным дисциплинам, работа которых финансировалась Национальным центром научных исследований (Париж): лингвист в лице руководителя экспедиции, специалист по истории первобытного общества Жерар Байу и этнолог — автор этого сообщения. К этой группе присоединились ученые из Института исследования Сахары (Алжир). Это были: географ Р. Капо-Рей, который с октября по декабрь 1956 г. вел исследования по географии населения в Борку (впоследствии он еще дважды побывал в Борку и в Унианга), ботаник П. Кезель собирал коллекции в течение трех месяцев в Тибести вместе с энтомологом Брюно де-Мире¹. Коллекции, собранные этими двумя специалистами, побудили еще одного ботаника — Г. Жилле из Национального музея естественной истории предпринять исследование в массиве Эннеди и в Джебель Маррах (Судан). Оно было выполнено с июля по ноябрь 1957 г. и дополнено второй экспедицией в 1958 г. в Эннеди и в Мурди и третьей в 1959 г. — в Эннеди и в Убанги².

Экспедиция в область озера Чад не могла сразу включить специалиста по физической антропологии, но этот пробел был восполнен работами А. Кобленца, который с февраля по сентябрь 1959 г. вел антропометрические и антропобиологические исследования в Эннеди, в Борку и в Тибести³.

¹ Работы членов Алжирской группы уже были опубликованы: R. Capot-Rey, Introduction à une géographie humaine du Borkou, «Travaux de l'Institut de Recherches Sahariennes» (в дальнейшем — I. R. S.), 1957, т. XVI; его же, Borkou et Ounianga, «Mémoires I. R. S.», 1961, № 5; P. Quezel, Mission botanique au Tibesti, там же, 1958, № 4.

² Отчеты Г. Жилле см.: «Journal d'Agriculture tropicale et de Botanique appliquée», сент.—окт. 1957, № 9—10, стр. 458—464; там же, ноябрь 1958, № 11, стр. 768—782; Le catalogue raisonné et commenté des plantes de l'Ennedi (опубликовано в сотрудничестве с Г. Карвало), «Bulletin de l'Office anti-acridien», январь — август 1960.

³ A. Coblenz, Goranes et Toubous des confins nord du Tchad, Paris, 1961.

Внутри группы сотрудников Музея Человека исследования распределены следующим образом: Ж. Байу имел задачей археологические изыскания в массиве Эннеди. Программа его работ была весьма обширна: он должен был зафиксировать все наскальные живописные изображения, отмеченные путешественниками или военными; разыскать новые местоположения таких изображений; точно отметить на карте и те и другие; отмечать и изучать топонимику; осуществлять изыскания в области первобытной истории и при случае делать раскопки; и, наконец, попытаться разыскать южную границу наскальных изображений Сахары. Ж. Байу в течение целого года совершал путешествия на верблюдах по местности внутри круга диаметром около 100 км с центром в Фада (где он основал свою базу), т. е. приблизительно на $\frac{1}{6}$ части массива. На этой площади было выявлено 500 мест, где имеются наскальные изображения — нарисованные красками и выбитые или выцарапанные на камне, из которых только 20 были известны ранее.

На основании материалов аэросъемок, предоставленных Национальным географическим институтом, была создана географическая карта масштабом 1:50 000. Было произведено в 82 местах 250 графических зарисовок; в 155 местах пришлось довольствоваться только фотографическими снимками. Нарисованные и выбитые изображения охватывают последовательно период, начиная с V—IV тысячелетия до нашей эры и кончая XVI веком н. э. Стили «до-рогатый», «рогатый», «верблюжий» представляют большое разнообразие. Публикация об «архаическом стиле Эннеди» появилась в «Антропологии» (*L'Anthropologie*) в 1960 г.

Работа по лингвистике и этнологии велась совместно. Из многочисленных народностей выбор остановился на загава, весьма плохо изученных, хотя по имени они известны очень давно. Действительно, работы Ле Кер, тогда еще не изданная рукопись Ж. Шапельля⁴, несколько статей военных деятелей делали менее неотложным изучение народонаселения Тибести, Борку и Эннеди, которые обычно называют тубу, горан и бидея. Таким образом, было предпринято глубокое исследование загава и попутно бидея, которые им близки.

Загава живут на севере Уаддаи и на севере Дарфура по обеим сторонам границы, разделяющей республики Чад и Судан. Всего их насчитывается около 60 000 человек, распределенных поровну между этими двумя республиками. Пастухи-полукошечники, они занимаются разведением верблюдов, быков, овец и коз, караванной торговлей и с недавних пор кое-где разведением проса (особенно на юге страны). Мы жили и проводили исследования загава в Уаддаи. Они насчитывают довольно большое количество кланов, объединенных в настоящее время под властью одного вождя, который носит титул султана. Это объединение существует с недавних пор, и оно обязано своим происхождением инициативе французской администрации. Раньше загава в Уаддаи имели двух султанов и многочисленных независимых вождей.

В качестве отправной базы для наших исследований нами была выбрана деревня Или-ба (Гили-ба), резиденция султана. Расположенная на плато на высоте 1 100 м над уровнем моря, она насчитывает около 2 000 жителей. Население ее почти исключительно состоит из семьи и ближайшего окружения султана — его жен, детей, братьев,

⁴ J. Chappelle, *Nomades noirs du Sahara*, Paris, 1957.

племянников, многочисленных слуг и ремесленников, которые при них образуют как бы «двор».

Умышленно наши первые контакты были завязаны согласно иерархическому принципу. Мы не знали ничего о стране, в которой будем жить. В главном административном центре этого округа нас уверили, что ни один загава не знает французского языка и, стало быть, не может служить нам переводчиком. Нашим единственным лингвистическим документом были начатки словаря, морфологии и синтаксиса, собранные в 1912 г. Мак Михаелем у суданских загава, говорящих на другом диалекте; мы не имели в своем распоряжении никаких средств передвижения (грузовик, который привез нас в Или-ба, уехал), было, наконец, очевидно, что без согласия и доброй воли султана Абдерахмана мы не смогли бы вести ни опросов, ни исследований в стране загава. С первого же дня он предоставил в наше распоряжение одного из своих сводных братьев, который нам служил одновременно и переводчиком и информатором. Вопреки сообщенным нам сведениям, он достаточно знал французский язык, а также арабский, которым в области озера Чад пользуются как вторым языком практически все мужчины загава. Позже (месяца через три после нашего приезда) мы обнаружили молодого, лет двадцати загава, который также говорил по-французски. Мы пригласили его в наш отряд. Кроме них, только дети, учившиеся в школе Или-ба, единственной в стране загава, знали немного французский язык. Их было около пятидесяти, сыновей султана и вождей кланов.

Три первых месяца нашего пребывания были посвящены изучению языка загава, собиранию текстов, изучению экономики, которые мы производили на еженедельном рынке в Или-ба.

Лингвистическое исследование было направлено главным образом на три пункта:

- 1) исследование фонологической системы изучаемого диалекта (диалекта кобе области Или-ба);
- 2) систематическое сравнение словаря, морфологии и синтаксиса диалекта кобе с документами Мак Михаеля;
- 3) расширение исследования на другие диалекты загава и равным образом бидея.

Родство диалекта кобе с диалектом, обнаруженным Мак Михаелем, было установлено, но сравнение дало немного вследствие трудности интерпретации знаков транскрипции, предложенной Мак Михаелем. Поиски фонологической системы позволили выделить относительно простую схему согласных и систему гласных, характеризующуюся употреблением тонов. Этот результат был предметом доклада Жозефа Тюбиана на Конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г. Наконец, была выделена группа бери (загава и бидея), представляющая большие сходства с группой теда-даза и, без сомнения, с канури. Кроме того, информатор экспедиции быстро научился писать на своем языке, пользуясь фонетической транскрипцией, выработанной Жозефом Тюбиана, и смог сам составить несколько текстов.

Сборник текстов составлялся преимущественно из образцов устной словесности. Это позволило нам проникнуть внутрь загавского общества, знакомясь с детьми. Именно дети и подростки знают сказки. Они рассказывают их друг другу, узнав их от своих бабушек. Собранными нами фольклорными текстами мы обязаны ученикам школы Или-ба. Мы смогли таким образом собрать около сорока сказок, рассказов, историй про животных (льва, шакала, гиену или козу), про духов и людоедов, а также чудесные традиционные восточные сказки, пришедшие

сюда вместе с исламом. Кроме интереса, представляемого самими текстами, эти рассказы бросают свет на то общество, в котором они живут. Большая часть этих рассказов и сказок была свободно иллюстрирована самими рассказчиками⁵.

Анкеты экономического характера, которые мы составили на рынке Или-ба, весьма облегчили нам личные контакты и последующие исследования. Они помогли познакомиться и освоиться с нами большому числу людей. Кроме того, это позволило мне за 9 посещений рынка опросить около 350 лиц. Для каждого я смогла составить индивидуальные карточки, указывающие: происхождение (имя, род, клан, деревня или стойбище), какие и в каком количестве продукты доставлены, откуда они, по какой дороге они доставлены на рынок, каким способом передвижения, род сделок (мена, продажа), наконец частота посещения рынка. Таким образом, была произведена перепись товаров: соль из Эннеди и Мурди, сода и финики из Борку, животные от скотоводов загава, бидея и арабов; просо из Тама и Гимира, привозные продукты (материи, сахар, чай) из Судана. Могли быть выяснены типы обменов: соль за просо, животные за ткани и было выявлено преимущество обмена перед расплатой деньгами. Так, например, одна анкета, составленная на одном из базаров, где собралось в среднем 150—200 человек, позволила обнаружить экономические кругообороты, касающиеся большей части области, лежащей к востоку от озера Чад. Это исследование — результаты опроса вместе с использованными документами — послужило объектом специальной публикации⁶.

Исследования-опросы, произведенные в течение первых месяцев нашего пребывания в указанных трех направлениях (изучение языка, собирание текстов, анализ экономической структуры), позволили загава освоиться с нами, что дало нам возможность продолжать наши исследования и в других направлениях.

Главными вопросами наших других исследований были: структура семьи, политическая организация, исторические традиции, религиозная жизнь и в особенности пережитки доисламского прошлого.

Мы пытались сделать исследования как можно более полными и точными, старались каждый раз, когда это представлялось возможным, обращаться к носителям традиций, актерам и зрителям, участникам церемоний на месте, где они совершались, и во время их развертывания. В ряде случаев исследования касались одного и того же сюжета и были последовательно проведены в разных главных группах загава, проживающих в Уаддаи. В общем мы посетили 5 кланов: кобе, капка, киже, диронг и гуруф.

Наконец, велось исследование и в плане историческом. Надо было попытаться разузнать, как это происходило раньше, добиться проникновения в глубь времен, чтобы лучше понять современные факты и, может быть, уяснить их эволюцию.

Не приходится говорить, что такая работа требует постоянных проверок и сопоставлений.

Кроме постоянного и ежедневного наблюдения текущей жизни, структура семьи была изучена по главным этапам жизни — рождение, обрезание, брак и смерть. Но если мы могли присутствовать при различных бракосочетаниях и наблюдать церемонии, которые продолжались два-три дня, то нам не удалось присутствовать ни при рождении,

⁵ Рассказы и рисунки собраны в книге: M.-J. et J. Tubiana, *Contes Zaghawa*, Paris, 1962.

⁶ M.-J. Tubiana, *Iemarché de Hili-ba: moutons, mil, sel et contrebande*, «Cahiers d'Etudes Africaines», 1961, № 6.

ни при обрезании, ни при погребении, потому что мы в это время или не были на месте или потому что — и это чаще всего — нас об этом не предупреждали. С другой стороны, мы много раз присутствовали на судебных разбирательствах, ведущихся на основе норм обычного права. Это помогло нам понять различные стороны правопорядка, касающиеся приданого, развода, наследования, супружеской неверности, кражи и убийства. Мы могли получить на руки список дел и записать все постановления суда Или-ба за год (1955—56).

Исследования политической организации, исторических традиций и религиозной жизни велись по большей части одновременно.

История султанатов (у кобе и капка), округов, управляемых вождями (у киче, дюронг и гуруф), около шести десятков кланов загава и двух десятков кланов бидейя подвергалась исследованию путем изучения общих предков — мифических или исторических, запретов тотемного характера, генеалогических списков, жертвоприношений по случаю возведения вождя на престол и всегда связанных с ритуалом заклинания дождя.

Естественно, что лучше всего оказалась освещенной история султанов кобе, потомок которых царствовал еще над всеми загава в Уаддаи. Самым древним отправным пунктом будет эпоха три века назад, когда Абд аль-Карим захватил Уддаи. К этой же эпохе надо отнести исламизацию, без сомнения поверхностную, страны загава.

Мы проработали архивы административных пунктов, по нашей просьбе любезно нам предоставленные. Они содержали документы, начиная с момента французской оккупации (1911 г.) и до наших дней. Критическое издание этих текстов весьма важно для истории Африки, но, без сомнения, оно может быть выполнено только коллективно. Мы издали до сего дня только один короткий документ в три страницы относительно султанов Уддаи. Он вызвал комментарий на трех десятках страниц⁷.

Кроме архивных документов, мы получили другую серию документов, по нашей просьбе написанных тремя «факи» из страны загава. Они написаны по-арабски и касаются происхождения загава и соседних народностей, их истории, истории их султанов.

Что касается пережитков доисламского времени, главным образом обрядов вызывания дождя и других земледельческих обрядов, связанных с обязанностями вождей, то начавшееся их исчезновение и отмирание делало неотложным их изучение. Мы реконструировали последовательный порядок некоторого числа жертвоприношений, которые все имеют целью вызвать дождь и процветание в стране, где он выпадает только один месяц в году и где от недостатка влаги царит неурожай и голод.

Обязанность вызвать дождь принадлежит вождю. Он является в некотором роде «творцом дождя». Для этого вождь обращается к горе или к дереву — к своему предку — и приносит ему в жертву животных и растения. Эти церемонии длятся до трех дней, — так было в случае жертвоприношения султаном кобе, — по очень точно установленному обряду, где каждый клан играет определенную роль соответственно своему иерархическому положению. В горах кобе в жертву приносятся самка верблюда, готовящаяся произвести на свет детеныша. Из нее

⁷ M. J. Tubiana, Un document inédit sur les sultans du Wadday, «Cahiers d'Études Africaines», 1960, № 2.

извлекается зародыш и приносится в жертву, как высший дар боже-
ству, которое должно послать дождь. Имя божества «Ирю» называли
нам как синоним Аллаха⁸.

Кроме наших анкет, мы привезли фото- и кинодокументацию и бо-
лее 200 предметов этнографического значения, все это сдано на хра-
нение в Музей Человека.

Вот набросанная в общих чертах картина работы нашей экспеди-
ции. Многое еще остается дополнить, многое разъяснить. Даже самое
имя «загава» остается загадкой. Мы знаем, что оно дано загава их
соседями, говорящими по-арабски. Но мы не знаем, что оно значит.
Сами они называют себя «бери» и также «бидейа». Наконец, тожде-
ственны ли загава, среди которых мы жили, тем, о которых упоминали
арабские авторы и распространение которых на древних картах было
значительным? Мы этого не думаем, но чтобы обосновать наши гипо-
тезы необходимы дальнейшие изыскания.

⁸ Это жертвоприношение было описано и анализировано в статье: M. J. Tubiana, *Un rite de vie, le sacrifice d'une bête plaine chez les Zaghawa kobé du Ouaddaï*, «Journal de Psychologie», июль — сентябрь 1960.